
Ангажированный акт как условие (философского) сообщества

© 2020 г. П. Боянич^{1*}, С.Н. Борисов^{2**}

¹ Институт философии и социальной теории Белградского университета, Сербия, Белград, 11000, ул. Королевы Натальи, д. 45; Центр перспективных исследований, университет Риеки, Хорватия, Риека, 51000, ул. Братьев Мажуранич, д. 10.

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, 308015, ул. Победы, д. 85.

* E-mail: bojanicp@gmail.com

** E-mail: borisov_sn@bsu.edu.ru

Поступила 29.06.2020

Представленный текст – начало проекта группы, основанной в Белграде в Институте философии и социальной теории для исследований ангажированности. Нас интересует, как себя ведет французское слово *engagement* в русском языке. Предварительное определение нашей позиции и основной гипотезы заключается в нескольких положениях: во-первых, нас интересуют именно акты, или акции, в результате которых что-то происходит, а не факты, объекты, последствия или результаты этих актов. Нам важно знать, как строится общество или как индивиды сближаются и держатся вместе. Мы считаем, что существуют акты, или группы актов, которые работают или не работают. Второе, мы пытаемся выделить акты, результатом которых становятся институты, а не только группы, общества или сообщества. Мы полагаем, что без участия так называемых «ангажированных актов», чье определение мы хотим дать в нашем тексте, не существуют институты как таковые или сильные и стабильные институты. Ангажированные акты наделяют институты законным статусом и укрепляют их. И третье, в случае философских сообществ мы сталкиваемся с проблематичностью именно ангажированных актов и большей исправностью актов институциональных, что определяет некоторую специфику философских сообществ.

Ключевые слова: акт, сообщество, индивид, философия, ангажированный акт, социальный акт, институциональный акт.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–10-104-109

Цитирование: Боянич П., Борисов С.Н. Ангажированный акт как условие (философского) сообщества // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 104–109.

An Engaged Act as a Condition of a (Philosophical) Community

© 2020 Petar Bojanic^{1*}, Sergey N. Borisov^{2**}

¹*Institute for Philosophy and Social Theory of the University of Belgrade, 45, Kraljice Natalije st., Belgrade, 11000, Serbia; Center for Advanced Studies, University of Rijeka, 10, Trg braće Mažuranića, Rijeka, 51,000, Croatia.*

²*Belgorod State National Research University, 85, Pobedy str., Belgorod, 308015, Russian Federation.*

* E-mail: bojanicp@gmail.com

** E-mail: borisov_sn@bsu.edu.ru

Received 29.06.2020

The text presented is the beginning of a project of a group based in Belgrade at the Institute of Philosophy and Social Theory for Engagement Studies. We are interested in how the French word engagement behaves in Russian. A preliminary definition of our position and the main hypothesis consists of several provisions: first, we are interested in the acts or actions, as a result of which something happens, and not the facts, objects, consequences or results of these acts. It is important for us to know how a society is built or how individuals come together and hold together. We believe that there are acts, or groups of acts that work or do not work. Second, we are trying to highlight the acts that result in institutions, and not just groups, societies or communities. We believe that without the participation of the so-called “biased acts”, whose definition we want to give in our text, there are no institutions as such or strong and stable institutions. Engaged acts give institutions legal status and strengthen them. And the third, in the case of philosophical communities, we are faced with the problematic nature of biased acts and greater operability of institutional acts, which determines some specifics of philosophical communities.

Keywords: act, community, individual, philosophy, engaged act, social act, institutional act.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–10-104-109

Citation: Bojanic, Petar, Borisov, Sergey N. (2020) “An Engaged Act as a Condition of a (Philosophical) Community”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2020), pp. 104–109.

Мы хотели бы описать особый вид общественных актов и попытаться определить их роль в отношениях различных действующих лиц, а главное, определить их значение в преобразовании социальной группы в организацию более высокого порядка. Мы исходим из предпосылки, что существуют акты, цель которых – вовлечь других людей, или всех, уменьшая таким образом влияние негативных (социальных) актов, а также различных видов поведения, нарушающего интересы общества, внутри групп или институтов. В этом смысле ангажированные акты также могут считаться институциональными, поскольку они вносят определенный вклад в корректировку институтов, меняя или модифицируя их правила, увеличивая тем самым последовательность и оперативность их действий. Ангажированность не является неким дополнительным или техническим термином, который фраза «социальный акт» уже содержит сама по себе или который уже содержится в концепте обязательства, преданности делу

(*commitment*) или совместного обязательства. Ангажемент, или ангажированность есть и существует при условии, что в деле участвует несколько человек и когда они «находятся друг с другом во взаимных отношениях».

Что такое социальный акт? Гуссерль сначала настаивает (примерно в 1910 г.), что intersубъективные связи реальны и что индивиды, которые их поддерживают, реальны (*reale Individuen*) [Husserl 1973^a, 96–97]. Далее, акты, коммуникативные акты (*kommunikative Akte*), «акты, направленные на других» (*die sich an den Anderen wenden*) подразумевают, что другие знают, что к ним обращаются (*in denen der Andere bewusst ist als der, an den ich mich wende*). Другие должны понять, с какого адреса получены определенные акты, и ответить актом такого же рода (*zurückwenden wird in einem gleichartigen Akte*). «Эти акты создают большее единство сознания между людьми (...)» (*Das sind die Akte, die zwischen Person und Person eine höhere Bewusstseinsseinheit herstellen*) [Ibid., 98]. Третья характеристика общественных актов, которую Гуссерль блестяще выводит, относится к норме сообщества (*eine Gemeinschaftsnorm*) или к совместной норме. Гуссерль находит, что общественные акты являются не принудительными, но скорее псевдо-нормами или псевдо-обязательствами: «это общепринятое добровольное правило (*eine Einheit der Willensregelung*), признаваемое индивидами и являющееся высшим индивидом (*überindividuell*) (...) Тот, кто не отвечает на приветствие, кто “не благодарит” – невежа (*ein Flegel*). (...) Если я к кому-либо обращаюсь вежливо, я имею право (*Ich habe ein Recht*) ожидать от него вежливый ответ, в благодарность за мою вежливость, и так далее» [Ibid., 105–106].

Во Фрайбурге в 1921 г. Гуссерль разрабатывал еще одну перспективу: он осмысливал социальные акты, которые еще не стали таковыми. Во-первых, любовь или восхищение еще ни в коей мере не являются социальным актом. Если я люблю, это еще не акт социальной любви (*Akte der sozialen Liebe*). Если я делаю что-либо нарочно, чтобы объект моей любви заметил это и сам себя повел так, как это делаю я, – это не является социальным актом. Социальный акт – это поведение, предполагающее, что другой человек, заметив мое намерение, по-своему ответит на него (см.: [Husserl 1973^b, 166]). В том же году Гуссерль указывает еще на один важный аспект, анализируя на этот раз семью. Он показывает, как временное объединение (*vorübergehende Gemeinschaft*) превращается в упорядоченный институт (*geregelten Institution*), если его члены регулярно едят вместе. Совместное принятие пищи (социальный акт) является основной составляющей семьи как социального института (*soziale Institution*). Для того, чтобы семья стала семьей (для того, чтобы «мы» стало институтом), недостаточно быть рядом, жить рядом с другим.

Последняя характеристика социальных актов в интерпретации и по определению Гуссерля (и это, возможно, было самым большим его открытием) появилась в январе 1931 г., когда Гуссерль обозначает другого (близкое ему лицо, с которым он вступает в обмен социальными актами), как третьего (*dritte*). В такой формулировке «третий» – это предпосылка для открытия «мы», то есть, институционального акта. Мой ближний, которого я наблюдаю (*ansehe*), уже становится третьим, помогающим мне в постоянном формировании мира, который изначально находился в состоянии «для нас двоих», и постепенно превращается в мир «для нас троих» [Husserl 1973^c, 134]. Это последнее условие существования социального акта, по Гуссерлю, ставит вопрос о сущности взаимодействия. Если двое «взаимно связаны друг с другом», подразумевает ли развитие и увеличение их взаимодействия появление третьего члена или группы, а потом и института?

Что же это за действия, которые ангажируют или создают возможность взять на себя обязательства (соединить общими связями даже людей, находящихся в разных местах)? Ангажированное действие в таком случае будет прежде всего публичным и доведенным до всеобщего сведения (поскольку оно не может быть негативным социальным актом или тайной, неразоблаченным действием, проделанным в тишине). Далее, оно по сути своей провокационно, призыв или послание для всех, для других

(*com-mittere* может значить «посылать»), побуждение всех подойти поближе, присоединиться (не только членов группы, но и находящихся в стороне и вне группы), потому что *to commit* именно означает действие, которое побуждает и обязывает остальных работать вместе в роли членов будущего комитета.

Тем не менее специфичность ангажированного действия заключается в его величии, приверженности («делать все возможное», «до победного конца»). Это одновременно и отказ от всего (приношение себя в жертву ради других или вместо других ради сближения), и работа, которая побуждает других присоединиться, повторить действие и таким образом создать основу для будущей совместной работы (все это с целью приближения к другим) [Кемп 1973, 16]. Мы сближаемся с другими или нас что-то сближает, когда нас что-то связывает или мы привязываем к себе, когда мы «инвестируем» или «выкладываем нечто» перед другим, когда мы что-то «закладываем» или «отдаем в залог» (*mettre en gage /pledge* или *donner en gage /give a pledge*).

Что это значит? Что значит отдать что-то в залог, взять на себя обязательство перед другими людьми, или перед всеми, перед целым сообществом и до какой степени этот вид умеренного насилия и принуждения других (или всех) выбрать, хотят ли они присоединиться к этому конкретному действию или нет? Какое действие не обязывает меня находиться в непосредственной связи с другим (если я что-то делаю, тогда ты или он должны делать то же самое), но которое непременно связывает меня с другим (и другого со мной), потому что оно обязывает меня проводить его (если я действую, тогда все мы действуем)?

Тем не менее трансформация индивидуальной деятельности в групповую не должна обязательно быть самой значительной характеристикой этой деятельности. Начало объяснения этой трансформации давно было предложено Кантом, который говорит об обязательствах по отношению к себе (*Pflicht gegen sich selbst*), о долге или обязательстве по отношению к себе, всегда предшествующих и лежащих в основе любых обязательств по отношению к другим (мы назовем их внешними обязательствами).

Существует гораздо более сложный набор действий, который в английском языке можно найти в точке пересечения и расхождения дополняющих друг друга понятий или стратегий: *engagement* (ангажированность) и *commitment* (обязательство, преданное служение делу). Личное обязательство (противопоставленное, важно заметить, французскому *engagement*) остается личным, как, например, мое занятие карьерой или забота о больных. Обязательство как преданное служение делу, или совместное служение (поскольку оно всегда вовлекает нескольких человек) подразумевает другой вид обязанности. Такие акты обязывают и объединяют прежде всего присутствующих, которые до сих пор не были причастны к группе или институту. Во всяком случае, это не тот вид обязанности, который возникает в результате соглашения (в качестве обещания, денежного долга или другой сделки), и это не обязанность действующего лица в совместном предприятии. Парадоксальным образом, зов на помощь «обязывает» и людей, до сих пор здесь не присутствующих – всех, кто может его услышать, и даже тех, которые слышат его впервые. И этот настоятельный призыв, и его воздействие *ad hominem* имеет такую же силу, как и индивидуальный крик «помогите». Совместное обязательство подразумевает участие в действиях группы, стремящейся на помощь (я действую, значит, я активен, я часть целого). Только если я что-то делаю публично, обращаясь ко всем и подтверждая присутствие всех, я могу доказать существование группы и мою принадлежность к ней. Это институциональный акт.

Философский конгресс также можно отнести к таким институциональным актам. Для большинства участвующих это не является обязанностью, для некоторых отчасти является исполнением обещания коллегам, но для большей части именно ангажированным актом, требующим всеобщего участия. Его цель в повторении, превращении случаев одноразового призыва в последовательные институциональные действия, то есть в институциональную деятельность. Формально все так и есть, но мы попытаемся

посмотреть на этот акт критически, основываясь на уже обозначенном пересечении личного обязательства и необходимости присоединения всех, где, по нашему мнению, и происходит сбой.

Ангажированное философское действие также может быть публичным, являться посланием ко всем другим философам (и не только им). Публичность в случае философии предполагается как некая заданная установка или обязательство, данное в наследство традицией (большинство определений философии отечественных авторов отсылают к истории философии и упоминают ее античное происхождение, подразумевающее публичность), но не обязательное для исполнения. Указание на то, что философия формирует мировоззрение, возводит проблему к знакомой связке философии и идеологии, философии как системе аргументации, обосновывающей идеологический аппарат государства, что еще более проблематизирует мою собственную необходимость публичности. Между моим «личным обязательством» и «формированием новых идеалов и культурных ценностей» сложно помыслить переход, основанный на моей вовлеченности. Он возможен через вовлеченное, ангажированное обращение к коллеге, другу, но не к институции.

В этом последнем, которое можно зафиксировать как обращение к другому, также есть проблема, относящаяся к философскому сообществу. Публичность связана с обращением, с голосом, вокацией. В случае философского обращения мы должны оценить возможности не/слышимости (условия, при которых меня могут не услышать, и запущенная цепная реакция ангажированного акта угаснет). Не принимая в расчет элементарную возможность отсутствия (конгресс уже собрал всех, кто имеет такое желание), обращение не достигнет цели, если другой говорит на другом языке, здесь мы имеем в виду как знание других языков, что вовлекает в призыв многих других философов, не только говорящих по-русски, но также язык философии, понимая под ним актуальные темы. Итак, с некоторыми оговорками на разность языка и необходимость перевода, вложение и инвестиция в других, сама их находимость и необходимость выглядит вполне возможной и реализуемой для философа. В одиночку. Возможно, что этот момент перехода от ангажированного акта к институциональному акту как раз и раскрывает недовольство философским сообществом, которое испытывает дефицит необходимости другого. Если занятие философией все же нуждается в сообществе, ангажированный акт выстраивается вокруг проблемы, которая требует решения и не может быть решена самостоятельно, одним человеком. Это проблемы, которые инициируются философией и не всегда приводят к ангажированности. В такой ситуации философские конгрессы являются институциональными актами, которые вновь и вновь запускают все «пункты» ангажированного акта (публичность, обращение к другому и его необходимость) часто в отсутствие самой ангажированности.

Источники – Primary Sources

Husserl, Edmund (1973^a) *Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus dem Nachlass. Erster Teil. 1905–1920, Husserliana, Band XIII*, M. Nijhoff, Den Haag.

Husserl, Edmund (1973^b) *Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus dem Nachlass. Zweiter Teil. 1921–1928, Husserliana, Band XIV*, M. Nijhoff, Den Haag.

Husserl, Edmund (1973^c) *Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus dem Nachlass. Dritter Teil. 1929–35, Husserliana, Band XV*, M. Nijhoff, Den Haag.

References

Kemp, P. (1973) *Théorie de l'engagement*, Vol. 1. Pathétique de l'engagement, Paris, Seuil, 1973.

Сведения об авторах

БОЯНИЧ Петар –

доктор философских наук, профессор, директор
Института философии и социальной теории
Белградского университета, директор
Центра перспективных исследований
университета Риеки.

БОРИСОВ Сергей Николаевич –

доктор философских наук, профессор,
директор Института общественных наук
и массовых коммуникаций Белгородского
государственного национального
исследовательского университета.

Author's Information

BOJANIC Petar –

DSc in Philosophy, Professor, Director
of the Institute of Philosophy and Social Theory
of the University of Belgrade, Director,
Center for Advanced Studies, University of Rijeka.

BORISOV Sergey N. –

DSc in Philosophy, Professor, Director,
Institute of Social Sciences
and Mass Communications,
Belgorod State National Research University.